

Изъ Варшавы въ Ярославъ.

1. Люблинь.

Люблинь—первый большой этапъ на нашемъ пути изъ Варшавы въ Ярославъ. Собственно говоря, по нашему маршруту (мы ъдемъ втроемъ) никакой остановки въ Люблинь не предполагалось. Но у нашего шоффера попортилась машина, и пришлось разыскивать другой автомобиль. Найти его было не легко, такъ какъ во всемъ городѣ оказалось лишь два приемныхъ автомобиля (остальные взяты для нуждъ войны). Недоразумѣнiе уладилось лишь къ 5-ти часамъ слѣдующаго дня, и волей-неволей мы провели въ Люблинѣ цѣлыя сутки.

Послѣ Варшавы Люблинь — самый большой и самый красивый изъ городовъ нашей Польши. Новые улицы имѣютъ вполне «европейскій» отпечатокъ; въ старомъ городѣ узкіе закоулки помнятъ XVI вѣкъ. Стройная черная колонна на большомъ бульварѣ символизируетъ Люблинскую улицу. О славномъ прошломъ говорятъ старинныя костелы и

монастыри, готические и стили барокко, и характерное здание магистрата (ратуша) с козлом на шпилье, — горб города. О недавних событиях красноречиво свидетельствуют пушки, отлитые у пшмцев в великой Галицийской битве и поставленные перед городским собором. На каждой пушке — латинский надписи: «Pro gloria et patria» и «Ultima ratio regis» и вензель «W. II R.», т. е. «Wilhelmus II Rex».

Люблин остается пока базой нашего юго-западного фронта. Это — центр, где встречаются и сближаются будущие в различных направлениях: и те, которые спешат на пали передовых позиций в Галиции, и те, которые по разным причинам возвращаются в Польшу и во внутреннюю Россию. На краковском предместьях (лучшая часть города) и в ресторане «Виктория» сходятся и «старки», уже побывавшие в бою, готовые без устали рассказывать обо всем непутевом и пережитом, и «молодежь», еще только рвущаяся к подвигам; офицеры армейские и штабные; деятели Красного Креста, сестры милосердия, заведующие продовольственной частью и т. д. На улицах в праздник (мы были в Люблине в воскресенье) местное население советом растворяется в толпах наших солдат, как и вездь, добрых, веселых, склонных пошутить и побалагурить перед предостерегающим трудным походом, но ведущих себя в городе поразительно сдержанно: я бы даже сказал — скромно. Гостиницы, конечно, переполнены, и чтобы получить приют на ночь, надо заручиться особой «протекцией».

В пансион «Янина» мы встретились с А. А. Стаховичем, теперь одним из усерднейших работников Красного Креста. А. А. — в полубоевом мундире с перевязью Красного Креста на левой руке; идет из Львова и весь полон мыслями о судьбе Галиции.

В «Виктории» мы встретили несколько знакомых нам офицеров, из которых некоторые только что вернулись из-под Ярослава. Они охотно подымались с нами своим впечатлениями. Но их рассказы, австрийцы защищали Ярослава крайне слабо. Наша тяжелая артиллерия сдвинула только один выстрел. При первом нападении австрийцы бегали из своих великолепно оборудованных фортов. Едва ли мы потеряли больше 40—50 человек.

Всё отзывались очень хорошо о том приёме, какой оказывало нашим войскам местное население. Здесь вовсе не было того поголовного бегства жителей из деревень, как в Восточной Пруссии. В селениях почти всё оставалось у себя в домах, и «кру singly» охотно продавали нам местные продукты по самым добросовестным ценам. В некоторых местах русских солдат даже встречали как избавителей, потому что австрийская армия, отступая, предавала, даже в Галиции, всяким безчиствам, — жгала, грабила, насиловала женщин...

Пришлось слышать и новые рассказы

о великом разгроме австрийской армии под Красником. Разбитые, австрийцы бегали буквально в паническом страхе. Некоторые части, спасаясь от преследования, в день успевали пройти, — врыть, пробьжать, — до 45-ти верст. Русские солдаты досадливо говорили, что за ними не угнаться. Даже кавалерия не поспевала за бегущими. Дороги были завалены брошенными орудиями, ружьями, всякой военной амуницией. До сих пор в Люблине, в парке, лежат огромные груды доставшейся нам добычи, которую рьятельно ждёт времени разобрат.

Бесёда затянулась до полуночи, тем больше, что поминутно прибывали новые собеседники из других частей армии, также проходивших через Люблин. В общем настроении была та особая уверенность, которую даёт победа. Это

— совершенно особое чувство, которое веять, от великих генералов до последнего солдата, вливается в душу изумительную бодрость, готовность пережить любые трудности, неодолимое желание идти опять вперед, все дальше, преследуя разбитого врага.

Мы вышли на улицу. Ночь была холодная. Почти полная луна освещала черную, блестящую мостовку Люблинской улицы и, дальше, успокоенными германскими пушками с вензельм императора Вильгельма. Город спал, но чувствовалось, что этот сон не помешает страшной энергии и могучей силы. То отбыхала русская армия, удачно завершавшая дело виков: собирались руси. И хотелось скорее-скорее спешить по я слёдам.

Валерий Брюсов.

Люблин, 14-го сентября.

НАСТРОЕНИЯ И ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

(От наших корреспондентов).

Приостановка газеты Клемансо.

(По телеграфу).

Газета Клемансо «L'Homme Enchaîné» приостановлена на восемь дней после второго номера за такия выражения: «Строгость цензуры почти не встречает протестов. Только группа депутатов от департамента Сены приняла следующую резолюцию: «Группа депутатов, сложившая перед необходимостью цензуры, обращает внимание правительства на постепенное распространение ее на область политики и администрации в противность буквы и духу закона». Беранже, бывший докладчик закона о печати в сенате, утверждает, что независимость прессы не упразднена, и ограничена, налагаемая на нее цензура, не могут освободить от выполнения профессионального долга ни одного журналиста, достойного этого великого звания. Это — единственные протесты».

Франция вообще является теперь страшно архаичной свободной демократии, население которой добросовестно и свободно установило самую полную диктатуру и отказалось от всех своих прав и воленостей. Настроение французского народа в данный момент таково: война на жизнь и на смерть. Нужно жить, — значит нужно победить. Следовательно, вся жизнь и энергия нации должна быть посвящена этой единственной цели, достижению которой даже не в руках правительства и главного штаба, а в руках Жоффра. Он один во Франции знает, что нужно делать и что делается. Жоффри в данный момент затмевает всё дружию власти, у которых один долг, — дать Жоффру возможность наилучшим образом выполнить великую национальную задачу. Одни Клемансо критиковали, терзали, сомневались, замечали промахи, обвиняли.

Знакомый мне французский журналист выразился: «Клемансо — блестящий

лидатель, но у него мятежный дух. Он умеет возбуждать, волновать. Но и мы будем говорить после победы».

Блоруссов.

Париж.

Австрийские тревоги.

(По телеграфу).

Свѣдѣнія, идущія из австрийских источников, отличаются чрезвычайной скудостью, однако позволяют сделать несколько общих заключений. Официальными австрийскими сообщениями продолжают замалчивать русские победы, отбывают положение австрийских войск как блестящее и предсказывают полный разгром русской армии. В поразительной прокламации, выпущенной 17-го (30-го) сентября, эрцгерцог Фридрих сообщает солдатам об австрийских победах под Красником и Замостьем, о германских победах под Инстербургом и Танненбергом, о блестящих действиях австрийцев на сербской территории, о лицет, голод и восстаниях в государствах воюющих против Австрии и Германии союзников. Прокламация заканчивается фразой о том, что с таковым «истинным» положением вещей должны быть ознакомлены все офицеры, и что положение это должно быть выяснено солдатам на их родном языке.

Чрезвычайно курьезны сообщения австрийского посольства в Риме. Эти сообщения продолжают упорно отрицать всякия поражения австрийских войск в Галиции и Боснии. Посольство заявляет, будто компетентные всеяние критики очень низко оценивают военные операции русских и признают их положение критическим. Однако все эти лживые заявления австрийского правительства уже не